

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-80>

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

Е.А. Папкина (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья является продолжением нашей работы, посвященной проблемам истории культуры в творчестве Всеволода Иванова 1940–1960-х гг. Новый этап постановки проблемы, дающий возможность проследить истоки темы культуры в творчестве Иванова, оказался возможным благодаря публикации неизвестных текстов писателя раннего сибирского периода.

Цель – анализ темы культуры в раннем творчестве Иванова, рассмотрение эволюции взглядов писателя.

Методология. В статье использованы сравнительно-исторический и текстологический методы, метод историко-культурного комментария.

Результаты исследования. Тема культуры впервые рассматривается на материале произведений Иванова 1910-х гг., прослеживается эволюция его взглядов, формировавшихся в диалоге с областническими идеями и концепцией Востока и Запада А.М. Горького. Отмечено, что в ранних произведениях писателя отразилась тревога за судьбу культурных ценностей в современном мире. Особое внимание обращается на духовные ценности культуры Востока, по своему понятию Ивановым и нашедшие воплощение в его творчестве. На основе анализа повести «Возвращение Будды» и третьей редакции романа «Эдесская святыня» показано, как менялось отношение писателя к Востоку.

Выводы и заключение. Анализ произведений Иванова, посвященных теме культуры, показывает, что эта проблематика интересовала писателя с самого начала его творческого пути. Размышляя над судьбами уходящей культуры Сибири в ранних произведениях, мечтая о возможности влияния древних культур Востока на исторический выбор России и Европы в 1920-е гг. в повести «Возвращение Будды», писатель к концу 1950-х гг., очевидно, приходит к выводу о невозможности силами культуры противостоять развитию цивилизации.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, проблемы культуры, эволюция взглядов, духовные ценности культуры Востока, культура и цивилизация.

Постановка проблемы. Настоящая статья является продолжением нашей работы, посвященной проблемам истории культуры и культурного наследия в творчестве Всеволода Иванова. В 1988 г. эта тема, как практически неразработанная, была предложена нам для диссертации выдающимся ученым Вяч.Вс. Ивановым, сыном писателя. В работе речь шла только о произведениях Вс. Иванова 1940–1960-х гг.: романах «Вулкан», «Эдесская святыня», неоконченном романе «Сокровища Александра Македонского», рассказах и повестях «Фантастического цикла». В течение последнего десятилетия было сделано

многое для того, чтобы вернуться к теме культуры в творчестве Иванова на новом этапе, проследив ее истоки начиная с раннего творчества писателя. Благодаря поддержке члена-корр. РАН Н.В. Корниенко и директора ИМЛИ РАН академिका А.Б. Куделина, републикованы практически неизвестные тексты писателя сибирского периода (1916–1921) [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010].

Обзор литературы. В статьях, написанных в середине 1990-х гг. и в начале 2000-х, Вяч.Вс. Иванов обратился к данной проблематике, преимущественно акцентируя внимание на вопросах культуры Востока, которая всегда интересовала писателя [Иванов, 2000; Иванов, 2010]. В конце 2010-х гг. появился ряд серьезных исследований, где произведения Иванова 1920–1930-х гг. анализируются именно с точки зрения [Банерджи, 2017; Банерджи, 2020; Якимова, 2019].

Цель. В статье вопросы культуры впервые рассматриваются на материале творчества писателя 1910-х гг., что существенно уточняет наши прежние выводы – утверждения, что «тема культуры волновала Иванова с конца 1930-х гг.»¹. Особое внимание обращается на духовные ценности культуры Востока, по своему поняты Ивановым и нашедшие воплощение в его произведениях. На материале раннего творчества, повести «Возвращение Будды» (1922) и неопубликованных фрагментов третьей редакции романа «Эдесская святыня» (не ранее 1956), прослеживается эволюция взглядов писателя.

Методология. В работе использованы сравнительно-исторический и текстологический методы, а также метод историко-культурного комментария.

Результаты исследования. «К Востоку его тянуло. Ему с юности был близок буддизм» [Иванов, 2000, с. 506], – писал о своем отце Вяч.Вс. Иванов. Увлечение Востоком не было случайным для писателя. На самом пространстве его родины, Сибири, соединились Восток и Запад. Соединились они и в его родословной: «...как в каждом истинно русском, особенно сибиряке, в нем Запад и Восток были перемешаны не только в душе, но и физически (его бабушка, родом из казахской семьи, вышла замуж за ссыльного поляка)» [Иванов, 2000, с. 506]. Характеризуя интерес отца к разным культурам, существовавшим на просторах Сибири, Вяч.Вс. Иванов отмечал: «Наряду с коренной русской сибирской и заимствованной индийской мифологической образностью в ранних прозаических опытах Иванова появляются мотивы мусульманского западно- и южно-сибирского, алтайского и среднеазиатского фольклора» [Иванов, 2010, с. 716]. Интерес к Востоку сохранился у Иванова на всю жизнь, а изучение разных культурных традиций наложило философский отпечаток на восприятие им политической ситуации в стране и в мире в разные годы жизни. 23 марта 1943 г. он записывал в дневнике: «Восток, раньше всех народов, нашел смысл жизни. Движение – зло. Неподвижность – добро. Чем быстрее движение, тем оно опаснее для человека. Самолет принес бомбу в 3,8 тонны» [Иванов, 2001, с. 296].

¹ Папкина Е.А. Проблемы истории культуры и культурного наследия в творчестве Всеволода Иванова 1940–1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1990. С. 2.

Ранние произведения писателя, «Легенды об ушедшей (вариант – «умершей») Сибири» (1916–1917), основаны на культурных традициях разных сибирских народов. В этих первых прозаических опытах молодого писателя еще нет размышлений об истории культуры, о преемственности в ее развитии и т.п., эта проблематика появится в его творчестве значительно позже. Заглавие цикла и основной композиционный прием (рассказ в рассказе) передают тревогу Иванова о судьбе культуры народов Сибири в современном мире. Создавались легенды в русле региональной литературы времени, многое в которой определило сибирское областничество. В соответствии с философско-культурной концепцией Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева преображенная Сибирь, культурная, экономически сильная, явится посредницей между Востоком и Западом, носителем начал новой цивилизации и новой культуры. «Чем, – писал Н.М. Ядринцев в статье „Возрождающаяся Азия“, – явится слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая *новая цивилизация* вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водружится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира – вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка»². Красноярский журнал «Сибирские записки» в 1916–1919 гг. печатает различные материалы (переписку Потанина и Ядринцева, статьи, этнографические очерки и т.п.), в которых рассматриваются вопросы о культуре, обрядах, религиозных движениях коренных жителей Сибири, делаются попытки определить их роль в прошлом и будущем края.

В своеобразном диалоге с региональной традицией создает свои сибирские легенды и молодой Иванов. Рассказы старых шаманов переносят читателя в некое историческое время, когда «Сибирь была могущественным царством народа, который теперь вымер и не оставил по себе следов. Находят порой у Иртыша скульптурные произведения – богов... Искусные руки ваяли эти статуи и – говорят старожилы, – что вымывает Иртыш их из засыпанных песком развалин городов “чуди” – неведомого народа» («Рао», 1916) [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 31]. Отметим, что о загадочном народе «чудь», «возраст культуры» которого «измеряется четвертым – пятым тысячелетием до Р. Х.» и посольства которого, посылавшиеся в Тибет и Китай, упоминаются в древних письменных памятниках³, писал Н. Козьмин в «Сибирских записках».

Отголоски культуры далекого прошлого можно увидеть в легенде «Сны осени», где рассказчик предстает «древним жрецом, вставшим в предзакатный час на кровлю храма Солнца и молящимся какому-то неизвестному, но близкому Богу...» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 33]. Упоминание о солнцепоклонниках – аллюзия к сибирскому религиозному движению, возникшему в самом начале XX в. и ставшему предметом осмысления в региональной лите-

² Цит. по: *Ландарма*. По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72–73.

³ Сибирские записки. 1917. № 3. С. 85.

ратуре спустя десятилетие, – движению бурханистов, сторонников Белой веры, впоследствии названному «народным буддизмом». В ряде произведений сибирских писателей 1914–1919 гг.: повести А. Семенова «Белый Бурхан», очерках Вс. Бахметьева «Алтай» и «У последней воды», статьях В. Верещагина и др. – рассказывалось о распространении веры в забытого древнего солнечного бога.

Свое прочтение сюжета об «алтайском мессии», тесно связанное с размышлениями областников о диалоге Востока и Запада, Иванов предложил в рассказе «Сын человеческий» (1917). Однако, в его понимании, возможность такого диалога поставлена под сомнение. Пророк, пришедший издалека в некий город, силою «тихого слова» сначала тушит пожар, спасает людей, а затем обращается к ним: «Я тот, кого вы ждали. Я – жизнь! Я пришел из той страны, где редко закатывается солнце... <...> Я узнал, что вы день превратили в ночь и не поднимаете глаз к солнцу – и вот я пришел к вам... Я семью свою бросил, я родину бросил – и одинокий пришел сказать вам про солнце – прекрасное, лучезарное, волшебное, миллионоликое солнце!..» Но жители города, ориентированные на ценности культуры Запада, думают «только о покорении земли, о машинах», и «машины поглощают у них истинно человеческое». Они слушают в восторге слова Сына человеческого, но проходит время – и сокровенные слова забыты, а тот, кто осмелился звать «из каменных глыб – к солнцу», брошен в тюрьму [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 42–43].

Понимание значения восточной и западной культуры для Сибири формировалось у молодого Иванова в своеобразном диалоге-споре и с А.М. Горьким. К тому моменту, когда Иванов в 1916 г. начинает свою переписку с Горьким, продолжавшуюся в течение 20 лет, у сибирских писателей сложилось двойственное отношение к его деятельности и взглядам. С одной стороны, поддержка литературных сил областных окраин и писателей-самоучек из народа важна и привлекательна для сибиряков. Начинаящий писатель Иванов вместе с первым письмом посылает Горькому свой рассказ «Степная царевна» и книгу стихов своего друга, курганского поэта из крестьян К.К. Худякова «Сибирь», пишет о трудной жизни Худякова и своей собственной. Очевидно, что он надеется на поддержку Горького. Тот откликается почти сразу: два рассказа Иванова «По Иртышу» и «Дед Антон» и два стихотворения Худякова Горький включает во второй «Сборник пролетарских писателей» (Пг., 1917). Не исключено, что вдохновило друзей послать свои произведения Горькому его предисловие к первому «Сборнику пролетарских писателей» (Пг., 1914), в котором автор размышлял о том, что «хорошо бы создать для писателей-самоучек периодическое издание, которое поставит себе целью изучение литературной техники – главного, чего недостает писателю из народа»⁴. Завершалась горьковская статья призывом: «Вперед, к культуре мировой!»⁵.

⁴ Сборник пролетарских писателей. Пг.: Прибой, 1914. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

С понятиями «культура» и «Запад» связана другая сторона отношения сибирских писателей, в том числе и Иванова, к Горькому. «...в историософской концепции Горького понятия Восток и Запад постепенно начали приобретать не только географический, политический, культурный смысл, но и этнологический, психологический» [Примочкина, 2009, с. 53] – этот вывод Н.Н. Примочкиной подтверждают письма 1913 г. А. Тихонову и Е. Ляцкому, где Горький размышляет над задачами журнала «Современник»: «Журнал надо сделать органом всероссийской демократии, кафедрой, откуда будут говорить о необходимости для России движения от Востока на Запад» [Горький, 2003, с. 239]; «...все брошенные нами лучи будут указывать дорогу на Запад, в атмосферу культуры наиболее разработанной...» [Горький, 2003, с. 242]. Из этих и других документов видно, что в начале 1910-х гг. Горький стремится активно пропагандировать западную направленность пути развития России. После начала Первой мировой войны, которую «писатель воспринял как крушение своих заветных идеалов и надежд на создание “Всемирного разума”, “планетарной культуры”, концентрации энергии всего мира <...>, Горький с тревогой следил за усилением национально-патриотических настроений в русском обществе» [Примочкина, 2009, с. 55]. Именно в этом контексте пишется программная статья «Две души», где Горький, последовательно доказывая идею о непримиримости Востока и Запада и объясняя пороки русской национальной психики азиатским влиянием, противопоставлял человека Востока – «раба и слугу своей фантазии» и европейца – «вождя и хозяина своей мысли»⁶. Позиция Горького вызвала острую полемику; о его односторонности и максимализме писали Н. Бердяев, Л. Андреев, Д. Мережковский и др.

Мысль Горького о том, что русским людям нужно «бороться с азиатскими наслоениями в психике»⁷, вряд ли находила полную поддержку у сибирских писателей, горячо любивших свою «азиатскую» родину. В частности, у членов того омского литературного кружка, куда входили А.С. Сорокин, М.П. Плотников, П.П. Оленич-Гнененко, А.П. Оленич-Гнененко и другие поэты и писатели и к которому осенью 1917 г. присоединился Иванов. Подтверждением этому служит хранившаяся в архиве Сорокина в Омске пьеса-памфлет «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918). На титульном листе стоит имя Вс. Иванова, он же является одним из главных персонажей, но не исключено, что пьеса является плодом коллективного творчества писателей омского кружка. Одним из персонажей пьесы является Горький, в списке действующих лиц ему посвящена язвительная характеристика:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ – Пророк с огненной глоткой и мозгом из персидских ковров. Мысли его, как осенние букеты цветов, без запаха. Любит лизать затылки у сопливых литераторов, склонен погрызть орешки культуры [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 144].

⁶ Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1. С. 123.

⁷ Там же. С. 133.

Базовое для Горького понятие «культура» представлено в тексте пьесы в откровенно издевательском ключе:

Появляется Максим Горький, лижет его (Вс. Иванова. – Е.П.) в затылок, гладит по спине Сборником пролетарских писателей.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ. Ты куда на культуру – ША!

Марш туда, в конуру.

Прерия Сибири. Желтая иссохшая трава. Песчаные дюны. Иртыш. Стрекошет кузнечик. Александр Оленич издаёт боевой клич индейцев.

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИЧ. Ни с места, сам Максим Горький

Изрек мудрые слова:

Дрожи и внемли,

Сибирь, убога и нема,

Но, вещей, знаю:

Засеют эти земли

Еще благие семена,

Философия и Клюева творения

Прочертят достойный след,

И даже (*Скромно улыбаясь*),

Может быть, хотя берут сомнения,

Мой вдохновенный дерзкий бред [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 144].

Упоминание поэта Н. Клюева отсылает к новокрестьянской литературе 1910-х гг., влияние которой чувствуется в ранней прозе Иванова. Противопоставление земли и железа, природы и технического прогресса – одно из базовых в новокрестьянской литературе. «Город и его детище – технический прогресс – разрастается в представлении новокрестьянских поэтов, особенно Н. Клюева, до масштабов всесветного зла», – отмечал А.И. Михайлов, впервые подробно рассмотревший общую поэтическую концепцию новокрестьянских поэтов, отражающую исторические судьбы русского народа [Михайлов, 1990, с. 109]. Строки Н. Клюева: «Сын железа и каменной скуки / Попирает берестяной рай...» (между 1914 и 1916 гг.), – удивительно близки молодому сибирскому писателю Вс. Иванову [Клюев, 1999, с. 250]. Мотивы «земли и железа» едва ли не ведущие в его легендах. Шаман Апо, маленький и дряхлый, кажется «предсмертной судорогой вымирающего племени шептов, задавленного железными пальцами цивилизации» («Рао») [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 30]. «Невидимыми железными чудовищами» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 44] режет покорную землю гордый человек («Сон Ермака», 1917). Символом жизни и души в произведениях молодого Иванова выступает земля. «Воплощенную мудрость» видит рассказчик Клуао в желании человека «целовать свою землю» («Над Ледовитым океаном», 1917). И автобиографический герой, мечтавший о свободе: «...жить подобно зверю, подобно птице – не думая ни о каких законах и ограничениях», в финале рассказа принимает эту высшую мудрость: «И вот тогда, первый раз в жизни, мне захотелось поцеловать родную землю» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 51].

В последующие годы Иванов не перестает размышлять о значении прежней культуры Сибири и ее трагической гибели под влиянием современной цивилизации Запада. Автор-повествователь в очерке «Отверни лицо твое» (1919) помнит слова недавно умершего дуваны Огюса: «Когда попадешь ты, человек города, первый раз в степь Кара-Айны, остановись, взгляни в четыре стороны света, соверши свою молитву, если ты верующий, и вздохни глубоко-глубоко грудью, если ты лишен веры, потом закрой глаза твои и слушай» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 126]. Герой силится понять смысл этих слов, вспомнить «какой-то красивый символ», но напрасно: прежнее духовное знание не открывается ему. Зловещим предсказанием звучат слова писателя: «...народ Ветхого Завета исчезнет. В степи будут иллюзии, велосипеды и газеты» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 127].

В 1921 г. Иванов приезжает в пореволюционный Петроград, попадает в другую культурную среду, его размышления о Востоке и Западе обретают иные контексты. Начало 1920-х гг. характеризуется «поворотом к Востоку» не только во внешней политике Советской России, где начинается подготовка «азиатской ориентации мировой революции», но и в духовной культуре: достаточно вспомнить, что выход в 1921 г. в Софии книги «Исход к Востоку» знаменовал собой начало истории евразийства (подробно см.: [Папкина, 2020, с. 49–50]).

Размышления Иванова о Востоке и его культуре идеологи новой власти в 1920-е гг. посчитали контрреволюционными. Комментируя дневниковую запись от 31 декабря 1946 г., где писатель вспоминает отказ А.К. Воронского печатать «слабую» повесть «Возвращение Будды» в первом советском толстом журнале «Красная новь» и слова известного революционера, члена Исполкома Коминтерна К. Радека: «Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку» [Иванов, 2001, с. 367], – Л.П. Якимова отмечает: «По существу, Вс. Иванов точно выявляет причины “неуспеха” повести: они крылись не в ее художественной “слабости”, а в ее несоответствии господствующему в стране идеологическому курсу, и в этом контексте она действительно выглядела “плохой книжкой”: “плохая” потому, что “контрреволюционная”» [Якимова, 2019, с. 83]. Смысл этой «контрреволюционности» и роль в повести противопоставленных друг другу восточных и западных мотивов («Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла во тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его – лотосоподобный Будда» [Иванов, 1924, с. 57–58]) можно понять по-разному.

Заглавие «Возвращение Будды» дало основание исследователю из Индии Р. Банерджи сосредоточить свое внимание на духовных ценностях буддизма, о которых размышляют герой повести – профессор Сафонов и ее автор – писатель Всеволод Иванов: «Следует подчеркнуть особую тягу этого великого писателя к философии и культуре Индии, в том числе к учению индийского отшельника Будды. <...> Буддизм, вероятно, привлекал Иванова, жившего в бурный период истории России, всепримирением и всеотерпимостью, умением справиться с внутренней бурей, страданием и корыстью» [Банерджи, 2020, с. 65]. Исследователь отмечает

знание писателем буддийской философии и ведущую роль ее в повести. Эта философия определяет как духовный путь героя: «Сафонов как бы странствует по пути Нирваны в ходе этой поездки. Исчезает его индивидуальное “Я” – *анатма*. В нем появляются покой и терпимость. <...> Он становится человеком с полным самоконтролем. Целью его жизни теперь является работа на благо других» [Банерджи, 2020, с. 67], – так и общий смысл произведения: «Статуя Будды в повести олицетворяет мудрую философию буддизма, распространение которой, по мысли писателя, могло бы спасти разлагающийся Запад и разоренную Россию от огня революционного движения и гражданской войны» [Банерджи, 2020, с. 69].

Напротив, по мнению Якимовой, буддийский текст важен для писателя не сам по себе: «...под прикрытием буддизма Вс. Иванов <...> обретает возможность иносказательным способом защитить постулаты национального верования, и поругание Будды читается местами как отвержение христианской истины» [Якимова, 2019, с. 94]. Идеологемы «Восток» и «Запад», считает исследователь, отсылают читателя к актуальной проблеме «русского выбора» путей национального развития, выбора между Востоком и Западом: «Отринув национальные ценности и святыни, <...> советская Россия сделала однозначный выбор в пользу соревнования с Европой по принципу “догнать и перегнать”, и мятущимся сознанием профессора Сафонова Вс. Иванов предпринимает творческую попытку осмыслить горькие плоды избранного страной курса» [Якимова, 2019, с. 94–95].

Обращение к эпитафиям, которые предпосланы главам повести и в основном взяты Ивановым из произведений древней китайской поэзии (а иногда и созданы по ее мотивам), отсылает читателя к духовным ценностям еще одной культуры. Большую часть эпитафий к «Возвращению Будды» Иванов, видимо, берет из книги известного ученого В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследования с приложением китайских текстов» (Пг., 1916). Так, глава вторая открывается таким эпитафием: «”...Важные пути тем дальше, чем укромное шествие становится медлительней” (Сыкун-Ту)» [Иванов, 1924, с. 13]. Цитата представляет собой неточные строки из «Стансов» китайского поэта Сыкун Ту: «Важные пути – тем дальше; / Укромное шествие становится медлительнее» (Станс XIV) [Алексеев, 2008, с. 293]. Последняя глава имеет эпитафию: «”...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке” (Тао – “Свой сад”))» [Иванов, 1924, с. 56]. В скобках Иванов дает имя китайского поэта IV и V вв. Тао Цяня. В точности таких строк у этого поэта нет, хотя подобные мотивы встречаются часто. Вынесенные в эпитафию к главе строки о духовной свободе, которая достигается вдали от цивилизации, принадлежат, видимо, самому Иванову и сочинены им на основе текстов китайских поэтов (подробно см. [Папкина, 2020]).

Думается, различные интерпретации ивановского Востока не противоречат друг другу. Главное, это ценности духовной культуры, которые утверждает автор в противовес разрушительным процессам своей эпохи: созидание, внутренняя

свобода, подвижничество. В повести «Возвращение Будды», кажется, наиболее ярко в творчестве Иванова проявилась надежда на возвращение этих ценностей, которые он более всего склонен видеть в восточной культуре. Однако нужно отметить, что мысли Иванова относятся лишь к древней культуре Востока. Современные же его представители: авантюрист Дава-Доржчи, который называет себя воплощенным Буддой, обманом вовлекает профессора в поездку со статуей Будды и бросает его по дороге; богатый и скрытный Хизрет-Нагим-Бей, приказавший отнять свое имущество и убить «смешного человека, везущего в Монголию кусок меди» [Иванов, 1924, с. 67] – бесчеловечны и эгоистичны, одержимы погоней за выгодой и в целом близки тому же разрушительному Западу.

Со временем иллюзии Иванова по поводу роли восточной культуры в сохранении духовных ценностей рассеиваются. На это указывают наброски писателя к третьей редакции романа «Эдесская святыня» (не ранее 1956 г.), действие которого происходит на Востоке в X в. Древний Восток, как и древний Запад, все более напоминают писателю реальность середины XX в.: и в этом мире «царят преступления, пытки, лжесвидетельства, нищета»⁸. В сущности, все представленные в романе государства мало различаются между собой: «Отношение к вещам в Багдаде, Византии, Риме. Все три страны, вернее, их правительства, стремятся к тому, чтобы создавались орудия войны, наилучшие: оружие, корабли, невольники. Они испытывают друг у друга – кто, как и чем это делает?»⁹.

Выводы и заключение. Анализ произведений Иванова, посвященных теме культуры, показывает эволюцию взглядов писателя. В начале своего творческого пути, пришедшегося на самый трагический период истории России, период двух мировых войн и трех революций, он склонен искать в древних культурах Востока те духовные ценности, которые сохраняют человечество на его гибельном пути. Загадочный и манящий писателя Восток явился в его произведениях миром высокой культуры, духовности, подвижничества и обретенной человеком свободы, – миром, почти во всем противостоящим современной Иванову реальности XX в. Однако к концу 1950-х гг. писатель, видимо, приходит к нерадостному выводу о бессилии культуры перед лицом разрушительной цивилизации, о том, что «возвращение Будды» в XX в. вряд ли осуществится.

Библиографический список

1. Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов. М.: Вост. лит., 2008. 701 с.
2. Банерджи Р. Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 382–389.
3. Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 63–71. DOI: 10.25205/2410-7883-2020-2-63-71
4. Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. 784 с.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10, Ед. хр. 1. Л. 126.

⁹ Там же. Л. 109.

5. Иванов Вс. Возвращение Будды: повесть. М.: Мосполиграф, 1924. 69 с.
6. Иванов Вс. Дневники. М.: Наследие, 2001. 490 с.
7. Иванов Вяч.Вс. Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 715–732.
8. Иванов Вяч.Вс. «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г. // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. II: Статьи о русской литературе. С. 504–512.
9. Ключев Н.А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. 249 с.
10. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. 275 с.
11. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкова. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
12. Папкова Е.А. Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 39–52. DOI: 10.25205/2410-7883-2020-2-39-52
13. Примочкина Н.Н. Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 9. С. 41–81.
14. Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века. Новосибирск: СО РАН: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.

Сведения об авторе

Папкова Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва); e-mail: elena.iv@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-80>

PROBLEMS OF CULTURE IN THE WORKS OF VSEVOLOD IVANOV

E.A. Papkova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is a continuation of our work devoted to the problems of the history of culture in the creative work of Vsevolod Ivanov in the 1940s–1960s. A new stage in the formulation of the problem, which makes it possible to trace the origins of the theme of culture in Ivanov’s creative work, became possible thanks to the publication of unknown texts by the writer of his early Siberian period.

The purpose of the article is to analyze the theme of culture in Ivanov’s early work, to examine the evolution of the writer’s views.

Methodology. The article uses comparative historical textual methods, the method of historical and cultural commentary.

Research results. The theme of culture is considered for the first time on the material of Ivanov’s works of the 1910s, the evolution of his views is traced, which were formed in a dialogue with regional ideas and the concept of the East and West by A.M. Gorky. It is noted that the early works of the writer reflected anxiety for the fate of cultural values in the modern world. Particular attention is paid to the spiritual values of the culture of the East, understood by Ivanov in his own way and found embodiment in his work. The analysis of the story “The Return of the Buddha” and the third the edition of the novel “The Edessa Shrine” shows how the writer’s attitude to the East changed.

Conclusions. The analysis of Ivanov’s works devoted to the theme of culture shows that this problem interested the writer from the very beginning of his creative path. Reflecting on the fate of the outgoing culture of Siberia in early works, dreaming of the possibility of the influence of the ancient East cultures on the historical choice of Russia and Europe in the 1920s, in the story “The Return of the Buddha”, the writer, by the end of the 1950s, obviously, comes to the conclusion that it is impossible for the forces of culture to resist the development of civilization.

Keywords: *Vsevolod Ivanov, problems of culture, evolution of views, spiritual values of the culture of the East, culture and civilization.*

References

1. Alekseev V.M. Chinese poem about a poet. Stanzas Sykun Tu (837–908): translation and research with the application of Chinese texts. Moscow: Vost. lit., 2008. 701 p.
2. Banerjee R. The world of the hero’s imagination in the novel by Vsevolod Ivanov “The Adventures of a Fakir” // Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents / ed. by V.V. Polonsky. Moscow: IMLI RAN, 2017. P. 382–389.
3. Banerjee R. The Story of Vsevolod Ivanov “The Return of the Buddha”: the symbolism of the title // Plotology and photography. 2020. No. 2. P. 63–71. DOI: 10.25205 / 2410-7883-2020-2-63–71
4. Gorky A.M. Full composition of writings. Letters: in 24 volumes. Moscow: Nauka, 2003. Vol. 10. 784 p.
5. Ivanov Vs. Return of the Buddha. The story. Moscow: Mospoligraf, 1924. 69 p.
6. Ivanov Vs. Diaries. Moscow: Heritage, 2001. 490 p.
7. Ivanov Vyach.Vs. Vsevolod Ivanov – unknown, half-forgotten and well-known // Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity. Moscow: IMLI RAN, 2010. P. 715–732.

8. Ivanov Vyach.Vs. “And the world will again appear strange ...” (To the 100th anniversary of the birth of Vsevolod Ivanov, February 24, 1895 // Ivanov Vyach. Vs. Selected works on semiotics and cultural history. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. Vol. II: Articles about Russian literature. P. 504–512.
9. Klyuev N.A. Unicorn heart. Poems and poems. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 249 p.
10. Mikhailov A.I. Ways of development of the new peasant poetry. Leningrad: Science: Leningrad. department, 1990. 275 p.
11. Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity / ed. by E.A. Papkova. Moscow: IMLI RAN, 2010. 784 p.
12. Papkova E.A. Real and exotic Siberia in Vsevolod Ivanov’s story “The Return of the Buddha” // Plotology and photography. 2020. No. 2. P. 39–52. DOI: 10.25205 / 2410-7883-2020-2-39-52
13. Primochkina N.N. Antinomy “East – West” in the worldview and work of Gorky // Concept of the world and man in the work of M. Gorky / ed. by Spiridonova L.A. Moscow: IMLI RAN, 2009. Is. 9. P. 41–81.
14. Yakimova L.P. “During his lifetime he was promoted to classic” Vsevolod Ivanov in the historical and literary context of the 1920s–1930s. Novosibirsk: SB RAS: Publishing house of SB RAS, 2019. 256 p.

About the author

Papkova Elena Alekseyevna – Phd (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: elena.iv@bk.ru